

В некоторых случаях контуры не подписаны (в них отсутствуют номера), и нет возможности установить, какие народы там живут. Так, в смешанных контурах к югу и юго-западу от Джамшетпура, кроме ория, показаны и народы семьи мунда, но какие именно — неизвестно.

В странах Индостана чрезвычайно сложный религиозный состав населения. Религиозный вопрос в ряде случаев имеет там более важное значение, чем национальный. Карта народов значительно выиграла бы, если бы в качестве небольшой врезки на ней была помещена карта религий. Очень много дала бы и приложенная к карте пояснительная записка, в которой были бы освещены основные национальные проблемы и дана характеристика источников.

Мы сознательно уделили особое внимание недочетам карты, связанным с применением нового метода этнического картографирования. Карта — экспериментальная, за ней должны последовать другие, составленные по этому методу. Важно, чтобы недостатки первого опыта были учтены и устранены в последующих изданиях.

В целом же карта народов Индостана является значительным вкладом в этнографическую науку и в разработку нового метода картографирования. Немалая заслуга в этом принадлежит Научно-редакционной картосоставительской части ГУГК, которая выполнила чрезвычайно сложную в техническом отношении работу.

С. И. Брук

Нем Вагха. *The Red River and the Blue Hill*. Gauhati, 1956, 172 стр.

Ассам — крайний северо-восточный штат Индии. Долины его многочисленных рек, пограничные и пересекающие его горные массивы населены десятками различных народов, многие из которых в силу своей географической обособленности до сих пор мало изучены. Естественно поэтому, что каждая новая работа, посвященная Ассаму, привлекает внимание индологов.

Рецензируемая книга принадлежит перу индийского исследователя Хема Баруа, который имел возможность непосредственно знакомиться с жизнью народов Ассама. Работа строится на материалах всего штата в целом; последовательно разбираются темы: история, этногенез, религия, экономика, язык, литература, современное экономическое и политическое положение. Объем книги невелик, и естественно, что все эти многочисленные вопросы не могли получить в ней достаточно полного освещения. Как предупреждает читателя сам автор, книга не ставит перед собой больших исследовательских задач. Это попытка — и во многом удачная — дать общее представление об истории и культуре народов Ассама. Следует отметить при этом, что материал, которым оперирует автор, является отчасти новым для советского читателя.

Баруа прежде всего обращается к прошлому Ассама. Документальная история Ассама начинается лишь с XIII в., когда в долину Брахмапутры из Верхней Бирмы двинулись ахомы, от которых до нас дошли исторические хроники — буранджи, написанные на языке пали (древнем пракрыте). О предыдущих веках (X—XII) известно лишь, что в этот период территория современного Ассама и Восточного Бенгала находилась во владении династии Палов, этническая принадлежность которых не установлена. Автор высказывает предположение, что Палы были индуизированными бодо. Это положение не может быть документально доказано, однако оно представляется заслуживающим внимания. Имеющиеся материалы позволяют сделать вывод, что в первые века нашей эры бодо занимали в Ассаме обширную территорию. Об этом говорят, в частности, данные топонимики (в названиях большинства рек долины Брахмапутры присутствует префикс «ди-» или «ти-», что у бодо означает воду), а также лингвистические данные, например, наличие в языке ассами ряда глагольных корней и слов бодо. Известный китайский путешественник Сюань Цзан, посетивший Ассам в 640 г., прямо указывает на бодо как на основное население Камарупы. Видимо, это преобладание бодо не прекращалось и в последующие столетия, так как и в XIII в. ахомы находят значительную часть Ассама под властью отдельных групп бодо; таковы были объединения бодоязычных качари, занимавших территорию на северном берегу Брахмапутры, и чхутия в Восточном Ассаме, а несколько позже — мощное государство кочхов (расцвет — XVI в.), распространявших свою власть на большую часть Ассама и некоторые районы восточного Бенгала. Представляется вполне вероятным, что и в предшествовавший период (X—XII вв.) господствующие династии принадлежали к бодо. Это определение этнической принадлежности династии Палов даст ключ к их дальнейшему изучению.

В XV—XVI вв. Ассам становится полем деятельности трех основных сил — бодоязычных кочхов, ахемов и армий мусульманских правителей Индии. Характеризуя этот период, автор не ограничивает изложение только политической историей, как это свойственно большинству работ буржуазных исследователей, но касается вопросов социального строя. Следует отметить, однако, что верно изображая разруху и кризис XVII в., автор объясняет их лишь борьбой сект (шактистов и вишнуитов), тогда как причины этого кризиса следует искать глубже, в сфере экономики и политики.

Большую сложность представляет вопрос об этногенезе населения этого района Индии, где скрещивались самые различные пути миграций и происходило смешение

всевозможных рас и языков. Как известно, последовательным волнам иммигрантов из южного Китая, говоривших на тибето-бирманских языках и составивших основное население горного Ассама, предшествовали более ранние пришельцы, языки которых принадлежали к мон-кхмерской группе (Баруа ошибочно относит эту самостоятельную группу к индо-китайской, т. е. тибето-китайской, семье языков). Сохранившимися в Ассаме народами группы мон-кхмер автор считает кхаси и джайнтья; однако правильнее было бы назвать только кхаси, так как «Джайнтья» — это название гор, населенных теми же кхаси. Трудно точно датировать начало переселения тибето-китайских народов на юг, на территорию Бирмы и Ассама; вероятно, оно происходило под напором продвигавшихся с севера китайцев. Общий ход миграций различных народов в Ассам описан автором в общих чертах верно¹. Не вызывает возражений и его предположение о большой древности дравидского слоя населения в Ассаме. Известно, что уже ранние монголоидные переселенцы из южного Китая не были первыми обитателями Юго-Восточной Азии. Древнейшим коренным населением этой территории считают народ, принадлежавший антропологически к так называемым волнистоволосым протоавстралоидам; трудно с уверенностью говорить об их языковой принадлежности — в Индии их обычно относят к предкам мундаязычных народов, либо к протодравидам.

Давая краткий обзор основных горных народов Ассама, Баруа подробнее останавливается на трех народах бодо — качари, чхуття, коч, игравших некогда крупную роль в истории, и на группе нага. Но особенно большой интерес представляет материал по очень слабо изученным североассамским племенам; в частности, племенам абор и мишми посвящено особое приложение, дающее некоторые сведения о системе деревенского управления, о семье и обычном праве этих народов.

В историческом плане дается описание основных религий Ассама. Различные ответвления шактизма с его поклонением женскому началу и умирающий буддизм были ко времени Нарнараяна (XVI в.) вытеснены вишнуизмом, отличавшимся в Ассаме большим демократизмом. Баруа останавливается на вопросах, которые редко привлекали внимание исследователей. Читатель найдет здесь характеристику госайнов — духовных глав вишнуизма и их своеобразных монастырей — сатр, а также описание знаменитого шактистского храма Камакхья, храма Тамесвари Деви у чхуття и т. д. Как известно, Ассам являлся одним из центров деятельности христианских миссионеров различных сект. Признавая известные заслуги миссий в налаживании начального обучения, Баруа справедливо осуждает насильственное насаждение среди местного населения чуждых обычаев.

Нельзя рассматривать культуру и историю народов, не затрагивая вопросов языка. Определяя язык ассамитов как один из языков индо-арийской семьи, в формировании которого принимали участие языки тибето-бирманские и аустро-азиатские, автор подчеркивает его сходство с маратхи, в ряде случаев большее, чем с географически более близким хиндустани. Тем самым подтверждается выдвигаемая некоторыми лингвистами теория «внешней» и «внутренней» групп индийских языков. Согласно этой теории, территория северной и центральной Индии была первоначально занята носителями тех языков индо-европейской семьи, которые теперь относят к «внешней» группе. Более поздние пришельцы, говорившие на языках той же семьи, оттеснили к западу и востоку, на побережья, своих предшественников; тем не менее те и другие сохранили лингвистическую общность. Поэтому отдельные языки, распространенные на побережье Аравийского моря, часто ближе к тем, которыми пользуются у Бенгальского залива, чем к территориально более близким языкам центральных областей северной Индии. Верно отмечено Баруа постепенное вытеснение ассамским языком тибето-бирманских племенных языков, что приводит к усилению двуязычия в данных периодических индийских переписях.

К сожалению, многие важные специальные вопросы (сельская община, касты и другие), а также некоторые области материальной культуры выпали из поля зрения автора. Правда, в книге имеется специальная глава «Городская и деревенская жизнь», но содержание ее не отвечает названию. Из всей «городской и деревенской жизни» кратко описаны лишь основные отрасли хозяйства Ассама в целом и некоторые деревенские праздники и развлечения. Больше внимания уделяет Баруа духовной культуре — литературе и музыкальному искусству. Автор сумел кратко, но живо и интересно описать последовательное развитие литературных жанров в ассамской литературе, от древнего устного и анонимного творчества (афоризмы, песни) до средневековой дидактической вишнуитской литературы, от ранних ахомских хроник до таких новых жанров, как исторический роман, короткий рассказ, одноактная драма. Во всем изложении ощущается глубокая вера автора в будущее ассамской литературы. Можно лишь возразить против чрезмерно восторженной оценки автором литературной роли христианских миссионеров (которых он определяет как «факелоносцев нового века ассамской литературы»), несколько неожиданной после его критики их просветительской деятельности.

¹ Следует, однако, отметить, что характерная для этого раздела книги неточность терминологии нередко затемняет верные по существу положения. Примером может служить перечисление основных рас, мигрировавших на территорию Ассама: «аустро-азиаты, дравиды, тибето-бирманцы, монголоиды и арийцы» (стр. 42). Здесь совершенно не различаются лингвистические и антропологические понятия.

Ассам издавна славится своими танцами и песнями. «Страной танца и музыки» — можно назвать Манилур, бывшее княжество, с которым связан один из четырех стилей классического танца Индии. В описании Баруа особенно интересны народные поэтические танцы-песни биху, связанные с сельскохозяйственным циклом; эти же танцы можно встретить в Бирме и на Никобарских островах. Влияние Бирмы сказывается даже в традиционном вишнуйском театре Ассама (крашенные маски, своеобразные танцевальные движения).

В заключение своего обзора Баруа обращается к наиболее насущным экономическим и политическим проблемам современного Ассама. Однако, ставя общую проблему, он сосредоточивает все внимание на каком-нибудь ее частном вопросе. Так, говоря о важнейших задачах по земельному переустройству и ликвидации крестьянского безземелья, автор останавливается только на вопросе о беженцах; в проблеме племен так называемых «исключенных округов» его больше всего интересует вопрос о «Нагалэнде» — независимом государстве нага (Баруа расценивает требование нага о создании такого государства как сепаратистское, неизбежно ведущее к раздроблению Индии и к ослаблению ее границ). Отдельно рассматривается проблема народного образования и культурного развития Ассама.

При всей неполноте и отдельных недочетах рецензируемой работы автору ее удалось нарисовать в целом верную и яркую картину жизни народов Ассама.

С. Болдырева

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Friedrich Katz. *Die sozialökonomische Verhältnisse bei den Azteken im 15. und 16. Jahrhundert*. «Ethnographisch-archäologische Forschungen», hrsg. von H. Kothé und K.-H. Otto, Bd. 3, Tl. 2, Berlin, 1956, 166 стр.

Первыми исследованиями, посвященными вопросам социально-экономических отношений в астекском обществе, были три работы А. Банделье, опубликованные в «Отчетах музея Пибоди» в 1877—1880 гг.¹ В них, как известно, Банделье отрицал существование у астеков частной собственности на землю и наличие классовых отношений в астекском обществе. Появившиеся позднее работы М. Морено, К. Бош Гарсиа, М. Акоста Саигнеса, Г. Фрейнда и А. Монсона² в основных выводах расходились с точкой зрения, высказанной Банделье. К отрицанию тезисов последнего склонялся и П. Армильяс, посвятивший несколько своих работ древнемексиканскому земледелию и его социальной роли в астекском обществе³. Однако крупного исследования, обобщающего поднятые вопросы, ни одним из указанных авторов создано не было. Между тем все увеличивавшаяся масса новых, как письменных, так и археологических материалов требовала критической обработки и обобщения. Попыткой создать такое обобщающее исследование и является книга венского ученого Ф. Каца «Социально-экономические отношения у астеков в XV и XVI столетиях».

Первая глава книги посвящена характеристике источников.

Ф. Кац делит их на пять групп: а) индейские иероглифические рукописи; б) сообщения испанских завоевателей; в) испанские хроники; г) произведения индейских историков, писавших после завоевания; и д) официальные письма и документы. В конце этой главы исследователь формулирует поставленные перед собой задачи: изучить вопросы собственности на землю, права властителя, формирование знати в астекском обществе, законодательство у древних мексиканцев, вопросы семьи в древней Мексике и, наконец, военную тактику астеков. Автор считает, что в предыдущих исследованиях все эти проблемы рассматривались без учета наиболее необходимого условия: принципа исторического развития. Основная ошибка Банделье и состояла в том, что он рассматривал астекское общество как нечто статичное и неподвижное.

¹ A. F. B andelier, On the Art of War and Mode of Warfare of the Ancient Mexicans, «Tenth Annual Report of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology», Cambridge, Mass., 1877; его же, On the Distribution and Tenure of Lands and the Customs with Respect to Inheritance among the Ancient Mexicans, «Eleventh Annual Report...», Cambridge, Mass., 1878; его же, On the Social Organization and Mode of Government of the Ancient Mexicans, «Twelfth Annual Report...», Cambridge, Mass., 1880.

² М. Морено, La Organización Política y Social de los Aztecas, Mexico, 1931; C. Bosch García, La Esclavitud prehispánica entre los Aztecas, Mexico, 1945; G. Freund, Agrarrecht und Katasterwesen im Alt-Mexico, «Ethnos», Stockholm, 1946; A. Monzón, El Calpulli en la Organización Social de los Tenochca, Mexico, 1949.

³ P. Armillas, A sequence of cultural development in Meso-America, «Memoirs of the Society for American Archaeology», № 4, Menasha, 1948; его же, Las chinampas de Mexico, «Cuadernos Americanos», 1950, № 2; его же, Tecnología, Formaciones socio-económicas y religión en Meso-America, «The Civilizations of Ancient America. Selected Papers of the XXIXth International Congress of Americanists», ed. by Sol Tax, Chicago, 1951.